

Хуа Цин не успел даже сдвинуться с места, как Цзи Цина с силой швырнуло на землю. Из его рта брызнула кровь. Алая влага мгновенно окрасила белоснежный лисий хвост. Ху Цзюмин коршуном налетел сверху, прижав Цзи Цина к земле и вонзив острые когти прямо ему в грудь. Обезумевший лис, нависший над своей жертвой, больше не узнавал лежащего перед ним человека. Разум его угас — остался лишь первобытный гон, влекущий к живому, бьющемуся в чужой груди сердцу. Оно словно звало его, умоляло вырвать и вкусить еще теплой плоти.

Прижатый к земле Цзи Цин чувствовал, как когти без труда рассекают кожу, готовые вот-вот пронзить грудину насквозь. Но в этот миг он услышал чистую, леденящую песнь сяо — флейта пела о яростном пламени и буйном ветре, о тонкой грани между жизнью и смертью. Музыкальная волна стремительно катилась прямо на них. Нападавший мгновенно развернулся на звук. Взмахнув тремя длинными хвостами, он одним мощным ударом развеял бушующее море огня и ветра, а Цзи Цина вновь подхватило пушистым кольцом и вздернуло высоко в воздух.

Хуа Цин хмуро разглядывал творящееся безумие. Он и представить не мог, что небесное испытание девятихвостого лиса обернется столь сокрушительным бедствием. Если Ху Цзюмин окончательно лишится рассудка и впадет в истинное помешательство, беды не оберешься.

Бросив быстрый взгляд на болтающегося в воздухе даоса, Хуа Цин крикнул:

— Даос, делай же что-нибудь! Придумай выход!

Зажатый в тисках хвостов Цзи Цин незаметно сжал левую ладонь — в ней тускло блеснул прозрачный призрачный клинок, окутанный леденящей аурой гибели. Стоило мягкой шерсти едва коснуться невидимого лезвия, как волосы тут же срезало подчистую. Однако оружие показалось лишь на краткое мгновение и тут же растаяло в воздухе. При виде этого Хуа Цин помрачнел. Мешкать было некогда: обезумевший зверь уже мчался на него, оскалив клыки.

В разуме лиса не осталось ничего, кроме звериного инстинкта. Позабыв про хитрые техники и колдовство, он полагался лишь на смертоносные когти да сокрушительную мощь своих хвостов. Этого хватало с лихвой, чтобы заставить грозного Императора демонов метаться из стороны в сторону, спасая шкуру. Для обезумевшего хищника и даос, и Император демонов были лишь лакомой добычей, ценной подпиткой для истощенных сил. Хвост лиса с треском перерубил вековой ствол очередного дерева. В алых глазах зверя полыхал чистый, незамутненный хаос. Внезапно он прищурился, и его взгляд налился густой багровой чернотой. Закинув голову к сияющему в небе дымчатому диску луны, он испустил протяжный, тоскливый вой.

Звонкий, леденящий душу крик эхом раскатился по горным кручам. Омытый бледным лунным светом, этот звук обрел древнее, необоримое колдовство. Всё живое в радиусе сотни ли, едва заслышав его, цепенело, погружаясь в беспмятство. Юноша, успевший незаметно отползти на добрый десяток шагов, замер как вкопанный. Он остекленел и безжизненно прошептал:

— Учитель... Как вы здесь оказались?

Пронзительный вой звенел прямо в ушах. В душе Цзи Цина само собой заструилось спасительное Заклинание Очищения сердца, однако даже его благодатная сила мало-помалу уступала наводящему морок наваждению. Очертания леса поплыли, вековые сосны задрожали и растаяли, оборачиваясь причудливыми клубами розового тумана. Даос заколебался, но медлить более было нельзя — он взмахнул рукой, выпуская на волю Цепь Блокировки Души.

Серебряные звенья, почуяв волю, устремились вперед, стремительно удлинняясь и превращаясь в многометровые стальные путы, жаждущие поглотить зверя. Лис уловил свист за спиной, но одурманенный яростью разум не успел среагировать — цепь мертвой хваткой обвила его тело, стягивая кольцо за кольцом. Особые чары сковывающих оков вонзились в самую его душу, выжигая ее изнутри неопишуемой мукой. Взыв от нестерпимой боли, лис налился еще большей багровой яростью. Его хвосты заметались из стороны в сторону, сокрушая гранитные валуны и превращая вековые стволы в щепки. Цзи Цину, по-прежнему зажатому в хвостовом плену, пришлось солоно: его раз за разом с силой швыряло на сосновые стволы. Когда обезумевший оборотень наконец обессилел и затих, на даоса было больно смотреть — одежда висела лохмотьями, а сам он был весь в ссадинах.

Ощувив, что смертельные объятия разомкнулись, даос отозвал Цепь Блокировки Души и тяжело, покачиваясь, рухнул в сырую траву. Но не успел он перевести дух, как тяжелая когтистая туша вновь подмяла его под себя. Не давая опомниться, хищник навалился сверху и вонзил зубы прямо в незащищенную шею человека.

Горло обожгло слабой, едва заметной болью. Прежде чем Цзи Цин успел оттолкнуть нападавшего, грозный исполинский зверь на его глазах сжался, превратившись в крохотный пушистый комок. Зубки малыша все еще сжимали кожу на шее даоса, но в этом укусе уже не осталось былой смертоносной силы. Шумно выдохнув, Цзи Цин осторожно взял за шкурку вцепившегося в него мертвой хваткой детеныша, оторвал от себя и принялся вертеть так и сяк, осматривая со всех сторон. К счастью, пушистый комочек остался цел и невредим — разве что его бусины-глаза отливали зловещим багрянцем.

Цзи Цин коснулся ладонью сперва ноющей шеи, затем израненной груди. Мысли его в этот миг были туманны и противоречивы. Если то отчаяние, с которым он только что мчался сюда сломя голову, не было искренней заботой, то чем оно вообще являлось? Если его готовность подставить собственную грудь под острые когти не была чистым покровительством и нежностью, то как это назвать? И уж тем более он не знал, как расценивать тот факт, что он, призвав смертоносный меч, в последний миг безвольно опустил руку, так и не решившись нанести удар. Он понимал лишь одно: путь к бессмертию для него, скорее всего, закрыт навсегда. Его земное сердце сделало свой выбор.

Прижав к себе пушистый комок, Цзи Цин огляделся. Поодаль, под раскидистой гибискусовой кроной, застыл изваянием Император демонов. Хуа Цин остекленел, не оставляя сомнений: он прочно увяз в наведенном лисом мороке. Сделав пару шагов в сторону пленника иллюзий, даос вдруг поморщился — негодник в его руках пребольно укусил его за запястье. Цзи Цин мягко отстранил уткнувшуюся в рукав мордочку и заставил зверьку посмотреть себе в глаза.

— Ну и что опять стряслось?

Малыш невинно захопал глазами и выдал фразу, от которой у Цзи Цина внутри все похолодело, а ладони сами собой потянулись придушить мерзавца:

— Папочка, а почему ты не обращаешь внимания на Цзюмина?

В голове даоса будто разом разорвались все небесные грозы. Опешив, он бесцеремонно швырнул лисенка в траву и, затрясшись от ярости, выговорил:

— Да как ты... как ты меня назвал?!

Малыш, и без того обессиленный после сурового испытания, ткнулся носом в землю. Тем не менее он из последних сил приподнял голову и жалобно пропищал:

— Папочка... ты больше не любишь Цзюмина? Ты меня бросишь?

Заподозрив неладное, даос поспешно снял с запястья серебряные звенья. Он разгневанно нахмурился. Ранее, даже когда лис полностью обезумел и едва не вырвал ему сердце, он до последнего медлил и не пускал оружие в ход. И лишь в крайнем случае, когда иного пути не осталось, решился применить его. А все потому, что Верховный бессмертный Чжун Куй, вручая ему эту реликвию, особо предупреждал: Цепь Блокировки Души — сокровище исключительной силы, способное усмирить любого, даже самого свирепого демона, но есть у нее один крайне скверный изъян. Ее побочное действие таило немалую опасность.

Но тогда беспечному даосу было глубоко наплевать на предостережения. Коли цепь исправно ловит нечисть, то и думать не о чем. Не дослушав старца, Цзи Цин сцапал драгоценную цепочку и убежал пропивать честно заработанное. И лишь теперь до него дошел смысл тех слов. Цепь Блокировки Души... Так и есть — блокировка! Сия реликвия подавляла волю зверя, вытягивая частицы его духа, дабы тот лишился сил и превратился в безвольную, покорную куклу.

Поняв это, Цзи Цин торопливо подобрал лисенка из травы, бережно прижимая к груди. Вглядевшись в обиженную мордочку, он направил в чужое тельце струйку духовной энергии. Опасения подтвердились: душа бедного создания дала трещину, а разум временно помутился. Вновь оказавшись в теплых руках, Ху Цзюмин прошептал:

— Папочка, только не сердись, пожалуйста.

Погладив малыша по голове, даос сокрушенно улыбнулся и направился к остолбеневшему Хуа Цину. Когда-то Цзи Цин жил безмятежно. Лишенный мирских страстей и привязанностей, он шел своей дорогой один — никто не смел нарушить его покой, никто не мог задеть струны его души. Дни тянулись серой вереницей, отмеченные лишь легкой, едва ощутимой грустью одиночества. В вечном круговороте бытия он со стороны взирал на людские драмы: горечь расставаний, вековую вражду, тщетность несбыточных надежд и муки тех, кто не в силах отпустить былое. Все это казалось ему чужим, бесконечно далеким. Судьбы смертных

скользили мимо, словно мимолетные тени. Но стоило в его жизни появиться этому несносному рыжему комку, как привычный мир раскололся надвое. Стены крепости, которую он так тщательно возводил годами, рухнули в одночасье. И пускай эта неожиданная привязанность давалась ему дорогой ценой, он ни о чем не жалел.

Вообще-то, едва лис принял истинный облик, морок должен был рассеяться сам собой. Однако Хуа Цин продолжал стоять с плотно зажмуренными глазами, а сам он мучительно поморщился. Цзи Цин не знал, какие демоны прошлого терзают сейчас разум владыки, но по его виду легко угадывал силу бушующей в его душе бури. Даос сотворил очищающий жест, посылая поток отрезвляющей силы в грудь мужчины, и сразу же тактично отвернулся.

Хуа Цин судорожно вздохнул и резко распахнул глаза. Его змеиный взгляд метался в лихорадочном испуге, а по лицу струился холодный пот. Обессиленно привалившись к шершавой коре гибискуса, он долго не мог прийти в себя. Он искренне верил, что день, когда тот человек покинул его, навсегда стерт из его памяти. Но стоило лисьему наваждению коснуться его разума, как старые раны вскрылись с прежней неистовой болью. Криво, с горечью усмехнувшись, Хуа Цин смахнул остатки слабости и хлопнул Цзи Цина по плечу, мгновенно нацепив привычную маску праздного бездельника:

— Надо же... Кто бы мог подумать, что великий Император демонов оступится из-за какого-то недоучившегося лисенка. Считаю, я твой должник, даос.

Цзи Цин медленно повернулся к собеседнику и, приподняв поблескивающие звенья Цепи Блокировки Души, негромко спросил:

— Императору демонов знаком этот предмет?

Хуа Цин лишь мазнул взглядом по цепи и тут же выпалил:

— Это же Цепь Блокировки Души! Откуда она у тебя? Ее ведь...

Тут он осекся. Заметив, что даос помрачнел, Хуа Цин перевел взгляд на тихо посапывающего рыжего детеныша. Озарение настигло его мгновенно.

— Погоди... Ты что, применил ее против?..

Цзи Цин молча кивнул. Но стоило ему приоткрыть рот, как пригревшийся на его груди комочек шерсти опередил его, с любопытством уставившись на Хуа Цина:

— Папочка, а это что за дядя?

На лице грозного Императора демонов отразилась неопишуемая гамма чувств: он то краснел, то бледнел, пока наконец не стал мрачнее грозовой тучи. А в следующее мгновение Хуа Цин

согнулся пополам от гомерического хохота. Он честно пытался что-то сказать, но лишь беззвучно хватал ртом воздух, содрогаясь всем телом. Цзи Цин смерил его ледяным взглядом. С трудом подавив искушение швырнуть несносного лиса прямо в эту смеющуюся физиономию, он сухо бросил:

— Мне нужно явиться в Небесный двор. Прощайте.

Заметив, что даос стремительно удаляется, Хуа Цин мысленно представил, какую краску стыда наживет Ху Цзюмин, когда восстановит разум и вспомнит свои детские нежности. От этого зрелища его душенька запела. Утирая слезы смеха, он поспешил следом:

— Постой, я с вами! Глупо упускать такое веселье!

Едва спутники скрылись за облаками, окрестные духи и низшие демоны начали мало-помалу приходить в себя. Однако ужас пережитого испытания был слишком велик: никто не пожелал задерживаться на проклятой поляне, и округа мгновенно опустела. Лишь один человек остался сидеть под деревом, содрогаясь от безудержных рыданий. Окажись здесь Хуа Цин, он немало удивился бы — этот хрупкий юноша не проронил ни слезинки, даже когда грозный Император демонов сжимал пальцы на его горле, а теперь плакал навзрыд.

Нань Цзиму раз за разом смахивал соленые капли, но слезы душили его, застилая взор. Наконец он сдался и перестал бороться, позволяя окружающему миру окончательно расплыться перед глазами. Еще в глубоком детстве бродячий прорицатель предсказал ему страшную долю. Рожденный в зловеющий час под знаком полной тьмы, он нес на себе проклятие Одиноким звезды небесной гибели. Ему суждено было изводить каждого, кто осмеливался проявить к нему теплоту. Старик пророчил, что без заступничества могущественного покровителя жизнь мальчика угаснет, едва он достигнет совершеннолетия.

Раньше Нань Цзиму лишь посмеивался над чужими суевериями. Но когда один за другим ушли из жизни его родители, а теперь испустил дух и любимый наставник, ледяные тиски пророчества сжались на его горле. Отрицать очевидное более не хватало сил. Нынешней ночью, тоскуя по усопшему учителю, он заметил багровое зарево над вершинами и без тени страха побрел в глухую чащу. Наставник предупреждал его, что здешние леса кишат нечистью, готовой растерзать любого чужака. На то и был расчет: умереть от когтей лесного духа казалось избавлением. Но судьба посмеялась над ним. Он столкнулся лицом к лицу с могущественным Императором демонов, но тот лишь брезгливо отпустил его. Неужели он настолько проклят и осквернен, что даже кровожадное отродье побрезговало оборвать его никчемную жизнь?

Поднявшись с колен, юноша устремил взор на темнеющие вдали пики. Боль в его взгляде уступила место мрачной решимости. Он медленно развязал траурную ленту на лбу и крепко сжал ее в кулаке. Раз уж этот огромный поднебесный мир страшится его проклятия, он назовет всему превозможет роковой порог совершеннолетия. Он выживет — хотя бы ради того, чтобы

не попира́ть па́мять о тех, кто отдал жизнь за его воспитание. Оставив горькие думы позади, Нань Цзиму твердым шагом пошел прочь. Белая лента, выскользнув из его пальцев, сиротливо легла на примятую траву, пока внезапный порыв ветра не увлек ее в непроглядную ночную тьму.

<http://bllate.org/book/20393/2185686>